

Вдруг в двор, спотыкаясь, вбежала Тан Тяньцзяо. В тревожной тишине, нарушаемой лишь шумом дождя, её испуганное, прерывистое дыхание звучало особенно резко. Люди обернулись и увидели, как она, смертельно побледнев, выдавила:

«Плохо... плохо дело! Плотина на горе Саньхэшань вот-вот треснет и прорвётся!»

В этот миг лица у всех во дворе побелели.

Плечи Хэ Бяня дрогнули, он до боли стиснул худую челюсть.

И только лежащий на земле при смерти Ван Цзиньшуй безумно расхохотался, выкрикивая:

«Видите?! Я же говорил — вся ваша деревня Тяньцзя пойдёт в могилу вместе с моим сыном!»

«Деревня стоит прямо под этой горной плотиной — как только её прорвёт, вы все погибнете!»

Глава рода почувствовал, как кровь прилила к голове, ноги его задрожали, и он с глухим стуком рухнул на колени прямо во дворе. Следом один за другим начали опускаться на колени и остальные.

Дождевая вода быстро покрывала их колени, но никто не обращал на это внимания — все лишь поднимали головы, вглядываясь в размытый силуэт под карнизом.

«Хэ Бянь, умоляем, найди способ спасти всю нашу деревню!»

Глава рода наклонился вниз, совершая полный поклон, словно в обряде жертвоприношения, и громко взмолился.

Ван Цзиньшуй вновь расхохотался. Эти лицемеры — ещё недавно осуждали его, а теперь сами стоят на коленях.

Но этот мошенник всё равно не изменит судьбу — всему роду предстоит погибнуть вместе с его сыном.

«Глава, встаньте. Речь идёт о судьбе всего рода — я попробую найти выход. Остальные пусть разойдутся по домам, а вы останьтесь — обсудим всё вместе».

Этот твёрдый и ясный голос прорезал шум ливня, словно луч света, вселив в сердца людей надежду.

Тан Гуй, таща за собой обмякшего, какдохлая свинья, Тянь Дэфа, вышел вслед за остальными. Ван Цзиньшуй тоже был уволочен прочь несколькими мужчинами.

Глава рода велел жителям собрать самое необходимое и быть готовыми в любой момент уходить в горы, спасаясь от бедствия.

Промокшие до нитки, словно утопленники, люди с трудом кивали и разбегались в разные стороны.

Глава вошёл под навес, даже не сняв соломенного плаща. Чжан Мэйлинь и её сын Тянь Ваньсин ещё не пришли в себя после новости о прорыве плотины — подавая чай и воду, они едва не спотыкались на месте.

Дело было срочное, не терпящее ни минуты. Главе было не до чая — пересохшим горлом он

поспешно спросил:

«Сяо Хэ, ты же умеешь призывать духа предков? Спроси у них, есть ли способ спасти нас!»

Хэ Бянь ответил:

«Предки давно подавали знаки, но Тянь Дэфа не слушал. Этот непочтительный потомок разгневал их. Сейчас дух предков сердится, и я не могу его призвать. Но всё-таки мы — его потомки, он не оставит нас. Позже я попробую снова. К тому же я уже предупреждал вас, глава, но вы не поверили. Теперь остаётся лишь ждать, когда предок соизволит явиться».

Глава нахмурился, исполненный раскаяния. Стихийное бедствие не будет ждать — но и давить на Хэ Бяня он не смел.

Хэ Бянь продолжил:

«Глава, вам тоже стоит вернуться в родовой храм, зажечь благовония и молиться. Среди нас нашлось слишком много "почтительных" потомков — предки разгневаны не на шутку.

Лицо главы стало неловким и виноватым. Он с горечью сказал:

«Я... сейчас же пойду в храм».

Когда он ушёл, Чжан Мэйлинь и Тянь Ваньсин остались стоять в тревоге и смятении. Хэ Бянь сказал:

«Чжан Мэйлинь, тебе лучше сначала вернуться к родителям. Если предок не явится, разве не получится, что ты зря останешься здесь и погибнешь?»

Та задумалась — и поняла, что он прав. В спешке она даже не подумала об этом, только надеялась, что Хэ Бянь найдёт выход.

Не теряя времени, Чжан Мэйлинь вместе с Тянь Ваньсином наспех собрали узлы с вещами и отправились в путь — к её родительскому дому, за десятки ли отсюда.

В доме теперь остались только Хэ Бянь и Чжоу Ци. Внутри почти не было запасов еды — по меркам Чжоу Ци, который за день съедал по семь-восемь цзиней риса, а каждые два дня требовал курицу или утку, этот некогда оживлённый крестьянский двор теперь казался по-настоящему пустым и бедным.

Перед уходом Чжан Мэйлинь и Тянь Ваньсин забрали всё ценное имущество, но Хэ Бянь знал, где плотник Тянь прятал свои тайные деньги.

Глиняный кувшин был спрятан за водяным чаном в кухне. Раньше Тянь Ваньсин и Чжан Мэйлинь не занимались хозяйственными делами — заходили на кухню только чтобы протянуть руки за миской с едой, поэтому им и в голову не приходило, что за чаном может быть спрятан тайник.

Хэ Бянь вытащил из кувшина все деньги — с глухим звоном посыпалась целая кучка монет и мелкого серебра. Его глаза загорелись: денег оказалось больше, чем он ожидал.

Он уже собирался сложить медные монеты и серебро в мешок, но, подняв голову и взглянув на Чжоу Ци, на мгновение закусил губу и тихо сказал:

«Это то, что я заслужил. Я всё просчитал. За все эти годы я не съел и трёх кур. Вся работа в поле была на мне — я выращивал и кур, и уток, дома и вне дома всё держалось на мне. А вернувшись, я ещё должен был прислуживать им троим. Они обращались со мной как с рабом. Если посчитать мою оплату труда... пусть будет по десять вэнь в день. С семи лет я уже ходил в горы рубить дрова, готовить, стирать, а до пятнадцати-шестнадцати — таскал тяжёлую работу в поле. Это восемь лет... восемь лет значит...»

«Всего двадцать девять тысяч двести вэнь» - спокойно сказал Чжоу Ци.

Хэ Бянь застыл. Пальцы даже не могли посчитать — настолько огромной казалась сумма.

Чжоу Ци добавил:

«Это уже состояние, близкое к богатству».

Хэ Бянь, который ещё недавно немного нервничал, опасаясь, что Чжоу Ци сочтёт его плохим человеком, тут же просиял:

«Боже, выходит, я и правда столько заработал?»

Чжоу Ци кивнул и, небрежно взглянув на деньги, начал складывать их в мешок. На вид их было много, но он с одного взгляда понял — там меньше пяти лян серебра.

Он взял мешок с "кровно заработанными" деньгами Хэ Бяня. Сам Хэ Бянь даже не беспокоился, что Чжоу Ци их заберёт — сам того не замечая, он уже считал его самым близким человеком.

Чжоу Ци сказал:

«Ты всё ещё так легко доверяешь людям. А если тебя снова обманут?»

Хэ Бянь не нашёл, что ответить. В глубине души он подумал:

«Если обманут — значит, сам виноват, не научился на ошибках. Как и говорят... бедные люди часто сами же себе вредят...»

И вдруг Чжоу Ци заметил, что Хэ Бянь неожиданно притих и помрачнел. Его взгляд стал тусклым и тяжёлым.

Даже днём Чжоу Ци на мгновение оцепенел, смутно ощущая, что, похоже, сказал что-то не так. Он лишь поспешно сунул тяжёлый кошель — весом в несколько цзиней — в объятия Хэ Бяня. Тот пошатнулся от толчка, но сильная рука за спиной тут же обняла его, помогая удержаться на ногах.

Сердце Хэ Бяня тоже дрогнуло вслед за этим движением.

Он невольно вспомнил, как каждый раз, когда Чжоу Ци брал его за руку, тёплый поток — мягкий и вместе с тем мощный — разливался по его телу, заставляя невольно тянуться к этому ощущению.

Хэ Бянь поднял взгляд на Чжоу Ци. В его глазах уже не было лишь холодного безразличия стороннего наблюдателя — в них появилась едва заметная тревога. Мгновенно тень в глазах Хэ Бяня рассеялась; он фыркнул и с невольной гордостью произнёс:

«Это я тебе делаю одолжение. Я уже никому не верю, но всё ещё готов верить тебе. Так что цени это».

«Угу».

И правда, это редкость: юный мальчик, до крайности неуверенный в себе и в то же время самонадеянный. В самой его сути — доброта, но он заставляет себя быть холодным и жестоким. Даже его неловкий, упрямо-скованный характер придавал ему особую живость и очарование.

Хэ Бянь сказал:

«Эти деньги... мы сбежим, найдём какую-нибудь работу. Ты сильный, а я умею вести хозяйство экономно...» - говоря это, он одновременно тревожился перед неизвестностью внешнего мира и мечтал о прекрасном, свободном будущем. И лишь подняв глаза, встретившись с взглядом Чжоу Ци, вдруг осознал, что именно только что сказал.

Однако во взгляде Чжоу Ци не было ни тени насмешки.

Под этим взглядом Хэ Бянь почувствовал неловкость, отвернулся и стал смотреть на проливной дождь за карнизом. Лицо его снова потемнело.

Он ненавидел семью Чжан Мэйлинь. Пусть соплеменники и не поднимали руку — они холодно душили словами, судачили, навешивали ярлыки. Все как один твердили, что ему, найденному и взятому в дом семьёй Тянь, несказанно повезло, что, повзрослев, он обязан отплатить за это. За его спиной обсуждали каждую мелочь, да и в лицо порой насмехались. Раньше он не понимал — думал, это похвала, и лишь смущённо улыбался.

Он не любил этих людей. Но теперь, когда обрушилось бедствие, он всё же не желал им смерти.

Хэ Бянь вспомнил знакомые лица, стоящие на коленях под стеной дождя. Они, как и он, недоедали, мёрзли, добывали пропитание тяжёлым трудом на земле. Если говорить о пересудах — кто из них не обсуждал других за спиной? И кто сам не становился предметом таких разговоров?

По сути, у него не было с этими деревенскими глубокой вражды.

И от этой мысли на душе стало тяжело. Тогда он начал злиться уже на самого себя: к чему эти пустые раздумья? Ему не нужно проявлять мягкость и доброту к этой деревне — они того не стоят! Они равнодушно наблюдали бы его гибель, а потом ещё сделали бы из этого тему для праздных разговоров. Какая бы участь их ни постигла — они сами её заслужили.

Чжоу Ци, заметив, как на лице Хэ Бяня борются противоречия и страх, увидел в его глазах скорбь о хрупкости человеческой жизни и тихую жалость к таким же, как он.

«Ты хочешь их спасти?» - сказал он. «Отбросить ненависть и помочь им? Или мы уйдём сами? От этого выбора зависит, каким будет твой дальнейший путь».

Хэ Бянь не понимал этих слов о судьбе, лишь тихо спросил:

«Разве если сказать "спасти", это значит, что я действительно смогу их спасти?»

«Хэ Бянь ещё здесь?!» - донёсся чей-то голос.

<http://bllate.org/book/17226/1617192>